

БРОДВЕЙ И „ДОРОГА“

Эти два термина в американском театре определяют многое: характер театра, его успех, его идейный уровень, его цену в глазах американского буржуа, — его посещаемость, его репертуар, даже состав его публики. Когда американский актер говорит, что он играет на Бродвее или уезжает на „дорогу“, то его собеседники уже знают, что представляет собой его театр, сколько этот актер зарабатывает, и на что он может рассчитывать в будущем.

Бродвей, как известно, — улица в центральной части Нью-Йорка, главная улица города, на которой расположено большинство наиболее посещаемых зрелищных предприятий. „Бродвеем“ в театральных кругах Америки называют те театры, успех которых определяется вкусами нью-йоркской толпы. Все, что на Бродвее, это шикарно, модно, хорошо рекламируется и лучше оплачивается. Пьеса, попавшая на Бродвей, может рассчитывать на постановку и в Чикаго, и в Бостоне, и в Сан-Франциско. Актер, имевший успех на Бродвее, обеспечивает себе вероятное приглашение в Голливуд. На Бродвее все обусловлено стандартными, укоренившимися вкусами улицы. Никаких исканий. Никаких экспериментов. Режиссер типа Мейерхольда никогда бы не имел успеха на Бродвее. Он никогда бы и не попал туда. Драматурги Бродвея — это каста опытных, изощренных в искусстве угодить публике драматургов. Все, имеющее намек на идею, на мысль, все, поднимающееся над уровнем привычной банальности, остается за границами Бродвея. Это — нерушимый, твердокаменный бастион мешанского вкуса, тривиальных стандартов, узаконенной пошлости. Только очень крупные имена, только драматурги с общепризнанной репутацией „знаменитостей“ вроде О'Нейля или Эльмер Райса имеют „право на идейность“ в пределах Бродвея. Да и то они начинали на „дороге“ или в театрах, не находящихся в пределах „великой улицы“.

„Дорога“ — столь же определенный комплекс понятий, как и Бродвей. „Дорогой“ называют гастрольные поездки небольших коллективов по провинции. В Америке нет постоянных театров с постоянной труппой. Помещения арендуются импресарию, подбирающим труппу для какой-

либо определенной пьесы или ревю. С этой пьесой труппа разезжает по провинции, гастролируя в зависимости от средств или в крупных центрах или в мелких заштатных городишках. Крупные театральные компании, организованные по принципу любого капиталистического предприятия, оперируют в больших городах, в столицах штатов, в промышленных центрах, мелкие театральные коллективы разезжают по глухой провинции.

Эти „маленькие театры“, как их называют в Америке, не имеют порой никаких средств и едва сводят концы с концами. Это огромное племя американских Шмаг и Аркашек, неутомимое, не пугающееся никаких лишений, движимое часто одной только любовью к искусству, коцует по дорогам со своим убогим театральным скарбом, дешевыми декорациями и репертуаром, который никогда не увидит Бродвея. По словам Аткинсона, одного из крупнейших театральных критиков Америки, эти „маленькие театры“ демонстрируют в большинстве случаев значительно более высокую театральную культуру, чем Бродвей. „Маленькие театры“, представляющие порой идейно спаянные актерские коллективы, дают публике и Шекспира, и Чехова, и Ибсена, и Бернарда Шоу. Пьеса, отвергнутая любым из бродвейских театров, как слишком „глубокая“ для публики, привыкшей к мешанским стандартам, часто завоевывает свое признание на „дороге“, у полуграмотных фермеров, никогда не видевших ослепительного сияния электрических реклам на Бродвее. На „дороге“ позволяют себе роскошь экспериментов молодые театральные режиссеры. На „дороге“ начинают и актеры и драматурги, имена которых потом торжественно украшают афиши Бродвея.

Характерно, что единственный шекспировский театр в Америке работает не в Нью-Йорке, не в Чикаго, не в Бостоне, даже претендующем на звание интеллектуального центра страны, а именно на „дороге“, в беспрестанном кочевьи по фермерским городишкам.

„Театральная компания Джеймс Гендриксон и Клер Брюс“, как называется этот театр в Америке, возглавляется актером Гендриксоном и его женой Клар. Средства для поездок театру дает приватная деятельность супру-

гов Гендриксон, работающих по официально редким художественным изданием для ряда издательств. На эти средства и организован театр, о котором довольно хорошо знают в Америке, но который еще не дал ни одного представления на подмостках Бродвея. Да это, по выражению сотрудника „Нью-Йорк Таймса“ Крайслера, „было бы совсем невозможно“. Можно вообразить себе, как хохотал бы Бродвей, увидев на афише такие названия, как „Юлий Цезарь“ и „Гамлет“. Однако на „дороге“ театр Гендриксона пользуется заслуженной популярностью. В его репертуаре только Шекспир. „Я не признаю ни одного драматурга в мире, кроме Шекспира, — только круглые идиоты или абсолютные пошляки не могут ощущать того огромного наслаждения, которое дает „Гамлет“ или „Сон в летнюю ночь“.

Любимая роль Гендриксона — это Гамлет. По отзывам американских критиков, видевших его в этой роли, это лучший Гамлет в Америке. „У него исключительное обаяние, — пишет Крайслер, — обаяние страсти, поднимавшей обыкновенного современного человека до недостижимых шекспировских высот“.

Декорации к спектаклям пишет жена Гендриксона, являющаяся даровитым художником с большой известностью в нью-йоркских издательских кругах. Она даже получила ряд предложений от бродвейских импресарию, но отвергла их все, заявив, что может работать только для своего театра. „Когда Бродвей будет в состоянии любить и понимать Шекспира, — заявила она, — тогда я приду на Бродвей, но раньше — никогда“.

Театру приходится путешествовать порой в очень тяжелых условиях. „Нам приходится играть и в нетопленных школах, — рассказывает Гендриксон, — и в пустых амбарах, и просто под открытым небом. Но наша публика — это настоящие ценители искусства, и я никогда не променяю их на толпу пошляков с Бродвея“.

„Как странно, — восклицает один из американских критиков. — Мы, нью-йоркцы, не знаем Шекспира, не имеем возможности увидеть его. Что же можно сказать о театрах крупнейшего американского города, которые не могут показать нам Шекспира“.